№ 44. Изданія годъ 1-й. Суббота, 23 сентября 1917 г. Цѣна 10 коп.

Органъ обще-соціалистическій безпартійный

# ВОЛЯ и ДУМЫ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНИКА

Изданіе Центральнаго Комитета М.-Курской, Нижегородской, Муромской и Окружной ж. д.

Адресъ редакціи и Конторы: Москва, Старая Басманная, домъ 11, Управленія Московско-Курской, Нижегородской, Муромской и Окружной жел. дор.

Подписная плата съ пересылкой и доставкой

съ 1 мая до конца г. 6 р. —
на 4 мѣсяца . . . 3 р. 25
» 3 » . . . . 2 р. 75
» 2 » . . . . 1 р. 90
» 1 » . . . . 1 р. —

Телефонъ № 3-97-21

Редакція для личныхъ объясненій отъ 12 до 2-хъ час. дня.

Объявленія.

На первой страницѣ за строку петита . . . . . 1 р. 50 к.

Позади тек. строку петита 1 р.

Лица ищущія труда 60 к. за разъ въ три строки свыше по общей расцѣнкѣ.

Контора газеты открыта отъ 10 час. дня до 4 час. веч.

**Товарищи желѣзнодорожники, въ чемъ наша воля?—Развозить по рельсамъ съ быстротою вѣтра и метать по проволокѣ съ быстротою молніи—ВОЛЮ НАРОДА. Въ чемъ наши думы? Наши думы, какъ и думы народа—въ единеніи, свободѣ и правдѣ.**

## Временное Правительство и желѣзнодорожники.

Ц. К. В. Ж. Союза далъ слѣдующую телеграмму.

Сентября 21 дня 1917 года № 7021.

Всѣмъ Главнымъ и раіоннымъ и мѣстнымъ Комитетамъ, всѣмъ профессіональнымъ, желѣзныхъ дорогъ, Союзамъ, копія Временному Правительству Бюро Всероссійскихъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Моск. Совѣтамъ Рабоч. и Солд. Депутатовъ.

Товарищи желѣзнодорожники Центральный Исполнительный Комитетъ Всероссійскаго желѣзнодорожнаго Союза постановилъ обратиться къ Вамъ съ нижеслѣдующимъ: Правительство отказалось удовлетворить справедливыя требованія желѣзнодорожниковъ, выработанныя Всероссійскимъ Желѣзнодорожнымъ Съѣздомъ. Съ мѣстъ получаютъ свѣдѣнія о начавшихся на дорогахъ забастовочныхъ движеніяхъ. Разрозненныя забастовки отзовутся болѣзненно на населеніи и странѣ. Поэтому Центральный Исполнительный Комитетъ съ тяжелымъ чувствомъ вынужденъ взять на себя организацію и планомѣрное проведеніе желѣзнодорожной забастовки съ наименьшими жертвами для населенія и безъ всякаго ущерба для арміи. Начало забастовки начинается съ 12 часовъ ночи съ два три на два четыре сентября. Забастовка должна протекать планомѣрно на основаніи инструкціи, которая будетъ объявлена дорогамъ телеграфомъ сегодня вечеромъ. Организуйте стачечные комитеты, установите контактъ съ мѣстными совѣтами рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Ни какихъ сепаратныхъ выступленій. Въ единствѣ плана наша сила и успѣхъ дѣла. Под. под. П/100 За предсѣдателя **Викжель Малицкій**.

## Главный Комитетъ М.-Кур., Ниж. и Мур. ж. д. разослалъ слѣдующую телеграмму 22 сентября № 1463.

До Курска, Нижняго, Мурома и по кольцу Окружной всѣмъ ЛЧ ЛМ всѣмъ главнымъ профессіональнымъ союзамъ всѣмъ Начальствующимъ Управленія и линіи. Копія Совѣтамъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ впредѣлахъ М.-Курской, Нижегород., Муром. и Окр. жел. дор. П-градъ Временному Правительству Центральн. Исполнительн. Комитетъ Совѣта Рабочихъ и Солдатск. Депутатовъ и Викжель, и по всей сѣти Россійск. жел. дор. Всѣмъ Главнымъ Дорожнымъ Комитетамъ.

Въ виду того, что Временное Правительство отказалось удовлетворить насущнѣйшія требованія желѣзнодорожниковъ несмотря на сдѣланныя Центральнымъ Всероссійскимъ комитетомъ уступки, ЛН Московско-Кур., Нижегор., Муром. и Окруж. ж. дор. рѣшительно и до конца будетъ бороться за удовлетвореніе предъявленныхъ союзомъ требованій. При ЛН образованъ Стачечный Комитетъ коему присваивается телеграфный адресъ Главстач. Указаніями Главстач должны руководствоваться вся наша дорога и никакія отдѣльныя выступленія недопустимы. Президіумы ЛЧ и ЛМ и Профес. союзовъ должны дѣйствовать только по указаніямъ Главстач. Предлагается немедленно при ЛЧ и ЛМ образовать Стачечные Комитеты коимъ присваиваются телеграфные адреса Устач и Мѣстач послѣднія должны войти въ контактъ съ мѣстными совѣтами рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Забастовка начинается въ ночь съ 23 на 24 Сентября съ 12 часовъ ночи. Планъ забастовки указанъ въ депешѣ Викжель № 2239 отъ 21/9 которая передается вслѣдъ за симъ.

Председатель ЛН *С. Двумянцевъ.*

Товар. Председ. ЛН *Ковалевичъ.*

Секретарь *Лизуновъ.*

## Провокація.

Свершилось. Правительство бросило вызовъ желѣзнодорожникамъ. Союзъ принялъ вызовъ и объявилъ забастовку.

Желѣзнодорожники долго терпѣли. Высокое сознаніе отвѣтственности передъ страной заставляло насъ покорно ждать рѣшенія правительства. И вотъ на наше долготерпѣнье и довѣріе къ правительству мы получили ударъ въ лицо. Мы получили урокъ, котораго не забудемъ.

Почему отказало Правительство? Потому-ли, что наши требованія преувеличены? Нѣтъ. Сами представители правительства признали, что прожиточный мининумъ опредѣленъ и исчисленъ Съѣздомъ правильно. Представители правительства разошлись съ нашими делегатами только въ оцѣнкѣ дороговизны, и наши делегаты пошли на чрезвычайныя уступки—35—40% для нѣкоторыхъ категорій. Чего еще? Даже дороговизна исчислена Съѣздомъ въ высшей степени добросовѣстно. Это видно изъ того, что ставки для высшихъ категорій служащихъ правительственная комиссія оставила почти безъ перемѣны, понизивъ ихъ только на 4—5%, хотя въ основу выработки всѣхъ ставокъ Съѣздомъ положены одни и тѣ же данныя. Наши делегаты шли на чрезмѣрныя уступки только щадя казну и не желая брать на себя горькую отвѣтственность за неизбѣжное потрясенье всей государственной и общественной жизни. Но все напрасно: правительство, нарушивъ свое слово, данное Гвоздевымъ, что рѣшенія комиссіи будутъ приняты правительствомъ, обмануло наше довѣріе и наши надежды. Отнынѣ желѣзнодорожники будутъ знать, что въ борьбѣ за свое существованіе у насъ нѣтъ надежды на правительство, что у насъ одна опора—сила.

Что мы дѣйствительно сила знаетъ правительство и знаемъ мы сами. Мы—артеріи и вены общественно-государственнаго организма. Разстройство желѣзныхъ дорогъ угрожаетъ жизни всего общества. Почему-же правительство дерзко бросаетъ вызовъ всему желѣзно-дорожному трудовому міру? Почему оно не хочетъ понять, что обезпеченіе желѣзнодорожной арміи всѣмъ необходимымъ есть такая же государственная необходимость, какъ обезпеченіе военной арміи? Почему оно именно намъ отказываетъ въ удовлетвореніи минимальныхъ и справедливыхъ требованій? Потому, что зная нашу силу, оно также знаетъ, какъ тягостно намъ эту силу пускать въ ходъ. Ибо противъ насъ не частный капиталистъ, а распубликанское правительство, которое выступаетъ отъ имени всего государства. А главное: борясь съ капиталистомъ—правительствомъ, мы невольно бьемъ по кровнымъ интересамъ широкихъ массъ. И на этомъ не стыдится спекулировать «революціонное» правительство!

Надо знать, что послѣ іюльскихъ событій въ Петроградѣ, когда Керенскій убѣдился, что рабочій классъ и революціонная часть арміи и флота больше не довѣряютъ его правительству, онъ сталъ искать опоры въ буржуазіи. Крайней точкой этого равненія направо было Государственное Совѣщаніе въ Москвѣ. Мятежъ Корнилова неожиданно и некстати для Керенскаго прервалъ этотъ процессъ слiянія праваго крыла демократіи съ буржуазіей: меньшевики и с.-р-ы испугались бездны, къ которой ихъ вплотную подвело ихъ угодливое соглашательство, и немного отпрянули назадъ къ революціонной демократіи. Правительство Керенскаго оказалось висящимъ въ воздухѣ: безъ демократіи и безъ буржуазіи. Теперь ему жизненно необходимъ расколъ въ демократіи. Этимъ и только этимъ объясняется рядъ послѣднихъ шаговъ правительства: оно

вступаетъ въ торги съ буржуазіей за спиной демократіи, посылаетъ солдатъ душить ташкентскихъ рабочихъ, разгоняетъ «Центро-флотъ и тутъ же пугаетъ его наступающимъ нѣмецкимъ флотомъ, а теперь наноситъ безсовѣстный ударъ Всероссійскому Желѣзнодорожному Союзу, угрожаетъ ему «всѣми рѣшительными мѣрами». Оно надѣется, что вызванный желѣзнодорожной забастовкой кризисъ снова объединитъ вокругъ него на мигъ хотя бы и буржуазію и правое крыло демократіи и дастъ ему моральный вѣсъ задавить Союзъ нашъ кровавой силой. Этимъ оно достигнетъ двойной цѣли: оно разрушитъ одну изъ самыхъ сильныхъ организацій революціонной демократіи и снова вызоветъ неизбѣжный расколъ въ самой демократіи. Но это вамъ не удастся, господа корниловцы, это вамъ не удастся!...

Демократія вышла изъ пеленокъ. Она узнаетъ въ желѣзнодорожникѣ, несущемъ непосильную работу и живущемъ впроголодь, своего родного брата. Она пойметъ, что голодъ и предательство республиканскаго правительства насъ толкнули въ битву съ лицемѣрами—министрами. На призывъ корниловцевъ, стоящихъ у власти, къ междоусобію въ рабочей семьѣ она отвѣтитъ: Прочь, жандармы!

Одно не мѣшаетъ знать и не мѣшаетъ помнить джентльменамъ Маріинскаго дворца: Вы пытаетесь направить на насъ темныхъ солдатъ, играя на его темнотѣ, какъ старые опричники царя: берегитесь! Кто играетъ съ огнемъ, можетъ обжечься. Вы съ народомъ играете: онъ васъ раздавитъ.

# Дневникъ журналиста.

## Александръ Керенскій.

«Не плакать не смѣяться,
а понимать.»
Б. Спиноза.

Конечно, я не врагъ его, наоборотъ я глубоко уважаю и глубоко люблю этого русскаго романтика. Большевики его часто обзываютъ Наполеономъ. Это большая ошибка: развѣ такъ держалъ бы себя Наполеонъ, облеченный званіемъ Верховнаго Главнокомандующаго?

Это Керенскій сказалъ: „Товарищи и граждане, невыносимо тяжелъ тотъ крестъ, который я несу... Я говорю съ вами, какъ человѣкъ, но человѣка здѣсь не всѣ понимаютъ“. И въ словахъ его слышится боль.

Вспоминается, какъ онъ почти рыдая говорилъ на Государственномъ Совѣщаніи въ Москвѣ: „Говорятъ, что я слишкомъ много мечтаю и слишкомъ много вѣрю. Граждане, я больше не буду мечтать и больше не буду вѣрить.“ Неужели это говоритъ Наполеонъ? Надо быть изъ камня, чтобы не слышать крика мятущейся боли. Если Керенскій-Наполеонъ, то не Первый, а Второй, тотъ, кто въ безсильныхъ мечтахъ и тоскующихъ грезахъ зачахъ въ Шенбруннскомъ дворцѣ.

На Демократическомъ Совѣщаніи кто-то изъ большевиковъ ему крикнулъ: „Русскій Маратъ!“ Это такъ же мало вѣрно. Маратъ былъ грубымъ, жестокимъ и жестокимъ плебеемъ съ диктаторскими замашками. А Керенскій тонкая, мягкая и аристократическая натура.

Развѣ скажетъ Маратъ, устроившій кровавую сентябрьскую бойню: „Если одинъ смертный приговоръ будетъ подписанъ мною, Верховнымъ Главнокомандующимъ, то я позволю Вамъ проклясть меня“? Маратъ не только подписалъ бы смертный приговоръ, но еще гордился бы этимъ.

Нѣтъ, онъ не Наполеонъ и не Маратъ и даже не Ллойдъ Джорджъ, какъ его прозвали американцы. Ллойдъ Джорджъ-коренастый парень съ крѣпкими нервами и крѣпкимъ лбомъ. Кто это скажетъ объ Александрѣ Керенскомъ? Кто же онъ этотъ человѣкъ, еще вчера такой незамѣтный, а сегодня ставшій всѣмъ такимъ знакомымъ и всей Россіи какъ будто нужнымъ?

Когда Глѣбъ Успенскій, дорогой нашъ писатель—народникъ, уже былъ душевно-больнымъ, онъ любилъ сидѣть и слушать по ночамъ, какъ воетъ буря, и, слушая бурю, онъ горько плакалъ: ему казалось, что въ окно стучится Св. Евфросинія, стучится и тихо плачетъ. Это Русь мужицкую, гонимую, битую, нищую назвалъ великій писатель Святой Евфросиніей. Св. Крестьянская Русь.....

Но есть на Руси еще одна святая, хотя и не мужицкая. И ее терзали насильники и били. Гнали изъ города въ городъ, изъ тюрьмы въ тюрьму. Толкали прикладами, кололи штыками и въ цѣпи ковали. Въ арестанскомъ халатѣ, арестанскомъ бѣльѣ и «котахъ», въ ненастье и стужу, подъ лязгъ цѣпей, она шла по безмѣрнымъ дорогамъ безмѣрной Руси, шла на Голгофу, съ крестомъ непосильно тяжелымъ. Друзья, имя этой святой—Интеллигенція. Св. Интеллигенская Русь.....

Теперь эти обѣ Руси—свободны. И осталась одна работать на мужицкихъ поляхъ, орошенныхъ обильно мужицкою кровью, а другую, интеллигентную Русь она послала управлять страною, за которую та пролила когда-то такъ много слезъ и боль несла, которой нѣтъ названья.

Но плохо правитъ мужицкою Русью интеллигентская Русь. Величайшій грѣхъ ея—недовѣріе къ себѣ и сестрѣ своей. Она вѣчно смотритъ по сторонамъ, все глазами ищетъ кого-то, словно хочетъ забыть уже «волю Пославшаго», волю того, кто остался работать на мужицкихъ поляхъ. Неужели когда-нибудь встрѣтятся сестры врагами? Неужели когда-нибудь забудутъ и боль, и мечты, и обѣты, забудутъ и станутъ врагами?

Если это случится, это будетъ Вашъ грѣхъ, Александръ Керенскій. Вы должны уйти.

* * *

Керенскій не партія, не лозунгъ, и не знамя. Его нельзя ненавидѣть, нельзя презирать. Онъ—мы: онъ Россія интеллигентская. Въ немъ и то, что намъ дорого, и то, что мы любимъ и за что любили насъ, но въ немъ же наше безсиліе, въ немъ нашъ общій грѣхъ. Его нельзя ненавидѣть, но онъ долженъ уйти.

Керенскій былъ нашей зарей утренней, когда свѣжо, свѣтло и легко еще дышится, ибо городъ спитъ еще и только птицы поютъ намъ Богъ вѣсть о чемъ. Но теперь настало утро, умолкли пѣсни птицъ, на улицы вышелъ народъ оборванный, шумный, голодный. Мѣсто народу! Онъ больше не хочетъ работать и голодать, онъ хочетъ работать и быть сытымъ. Но никто не хочетъ и никто не можетъ дать ему хлѣба. Онъ долженъ взять его самъ. Керенскій сдѣлалъ свое дѣло, Керенскій долженъ уйти.

**Я. Кирилловскій.**

---

# Къ новымъ берегамъ.

(*Продолженіе. См.* № 43. „*В. и Д. Ж.*“)

Ошибочно думать, будто дитя есть недоразвившійся взрослый человѣкъ. Это ошибка нашего насквозь телеологическаго и раціоналистическаго міровоззрѣнія. На дѣлѣ дитя есть особый оригинальный типъ жизни съ рѣшительно своеобразнымъ душевнымъ строемъ, который во многомъ составляетъ недостижимый идеалъ для зрѣлаго человѣка. Освободитесь отъ смѣшной иллюзіи, взгляните на кучу играющихъ дѣтей и спросите себя: въ какой возрастъ природа вложила всю обворожительную прелесть внѣшности и всю чарующую душевную красоту? Есть ли что-нибудь красивѣе смѣлаго и гибкаго дѣтскаго тѣла? Есть ли что-нибудь благороднѣе гордой осанки, прямоты и правдивости ребенка? Не дѣтство этапъ въ развитіи къ идеальной зрѣлости, а, скорѣе, наоборотъ: зрѣлый возрастъ есть время грустнаго упадка былой красоты и благородства человѣка-дитяти... Люди вѣками сокрушались объ иллюзіи потеряннаго и небывалаго рая, а никто не замѣчаетъ того дѣйствительно потеряннаго рая «съ бѣлокурой головкой», который играетъ у насъ на глазахъ.

Отсутствіе вѣчно разлагающей силы разума съ его субъектомъ и объектомъ, гибкая цѣльность внутренняго міра, неспособная дѣлить живую жизнь и безотрадно раскалывать ее на духъ и матерію, глубокая яркая чувственность съ ея подвижной упругой волей. Кто не узнаетъ въ этомъ характерныхъ чертъ дѣтской души? Такова же и психика человѣка сѣдой старины, создавшей миѳы и черпавшей въ нихъ духовную мудрость.

Кто далъ себѣ трудъ вдуматься сердцемъ во внутреннюю природу миѳологическаго мышленія не съ казенно-философской надеждой найти въ ней ошибки и промахи «незрѣлой мысли», а чтобы мысленно представить себѣ душевный укладъ древняго человѣка, тотъ никогда не освободится отъ безутѣшной горечи, чо погибъ безвозвратно этотъ свѣтлый міръ—міръ живыхъ боговъ, а не мертвыхъ силъ и пустыхъ абстракцій, когда каждый шорохъ, каждый лучъ, каждый тонъ трепеталъ сочной чувственной жизнью, когда вся вселенная была наполнена гармоничнымъ шумомъ живой борьбы, а человѣкъ отъ перваго крика до послѣдняго вздоха жилъ то сражаясь, то мирясь, какъ боецъ съ бойцомъ, съ землею, солнцемъ и небомъ, когда «духъ» и «плоть» составляли одно чувственное тѣло, а человѣкъ и міръ—одно божественно-мощное и божественно-прекрасное живое существо..

4.

Но этотъ солнечный міръ погасъ, чтобы подарить свое мѣсто сумеркамъ, какъ умираетъ веселое дѣтство, чтобы уступить жизнь безпокойной юности.

Въ жизни дитяти рано или поздно наступаетъ моментъ, когда на днѣ его души начинаетъ что-то неожиданно копошиться. Темныя желанія просыпаются и вносятъ смутную тревогу въ дотолѣ безоблачный міръ ясныхъ чувствъ и наивныхъ думъ. Съ тайнымъ трепетомъ и жаднымъ наслажденіемъ начинаетъ юноша вслушиваться въ свою внутреннюю музыку непонятныхъ, но родныхъ и мучительно близкихъ страстей. Какъ далекъ онъ теперь отъ беззаботной гармоніи дѣтской души! Какъ далеки отъ него его прежніе друзья и прежнія забавы! Межъ его тѣломъ и міромъ выросла какая-то пропасть смутныхъ желаній, страха, надеждъ, ожиданій... Онъ бѣжитъ отъ игръ, отъ веселыхъ людей и шумной природы, онъ не жаждетъ дѣтской борьбы, не хочетъ состязаться съ вѣтромъ въ перегонку и плескъ волны заглушить своими побѣдными криками, вся душа его рвется къ ласковой тишинѣ, грустному одиночеству и долгимъ, часто безотраднымъ размышленіямъ. Юноша пережилъ великій трагическій моментъ—онъ открылъ въ себѣ особый міръ: рядомъ съ таинственнымъ, темнымъ и чувственнымъ «я» ясное, холодное и ровное, какъ стекло, сознаніе.

Это открытіе постепенно мѣняетъ въ его глазахъ весь міръ. Прежній наивный, но смѣлый реализмъ, смѣняется боязливымъ мистицизмомъ. Ему начинаютъ чудиться духи незримые, подобно страстямъ его, блуждающіе вокругъ него, смушающіе покой и вносящіе тревогу и неизвѣстность въ реальный міръ. Могучая цѣльность природы разбита безжалостно: духъ жизни оставляетъ внѣшній міръ, который какъ-то странно становится вдругъ громадной, унылой пустыней, гдѣ только тихія тѣни и жуткіе призраки бродятъ. Человѣкъ ввергается въ безнадежное одиночество, гдѣ разумъ, питаясь его тоскою, неудачами и скорбью, безпощадно рветъ его сердце, отравляетъ надежды призракомъ грядущихъ опасностей, болѣзней и непобѣдимой смерти... Изъ всей жизни человѣка, несомнѣнно самой мучительной и тревожной является какъ разъ та пора, которая приходитъ по слѣдамъ яснаго и счастливаго дѣтства.

Такой же трагическій моментъ пережило и человѣчество—этотъ большой и больной человѣкъ, когда на смѣну реалистической чувственной миѳологіи пришла спиритуалистическая религія.

Эта глубокая душевная болѣзнь пришла не сразу. Немыслимо было сразу оторвать человѣка отъ природы и вырыть между ними холодную и пустую яму, заглушить въ человѣкѣ чувство настолько, чтобы не слышалъ онъ больше біенія могучаго пульса природы, а его собственное существо разбить на двѣ безсмысленныя части—тѣло въ которомъ непонятно его движеніе, и духъ, въ которомъ непостижимо его бытіе. Раньше, чѣмъ разорвать то, что въ чувствѣ и въ его твореніи—миѳологіи—нераздѣльно, нуженъ былъ предварительный рядъ подвоховъ и лукавствъ разума, извратившихъ и обезобразившихъ природу, чтобы потомъ легче обездушить ее. Вначалѣ пытаются вывести всю блещущую цвѣтами жизни природу изъ одного элемента—изъ одной какой-нибудь формы существующей или воображаемой: воды, воздуха, огня или какой-то совершенно нелѣпой «безконечности», въ которой будто расплавлены всѣ формы жизни. Но іонійцы еще настолько пропитаны живымъ и крѣпкимъ чувствомъ обаятельнаго прошлаго, что не смѣютъ отнять жизнь у своихъ мнимыхъ первоначалъ: и вода Ѳалеса и воздухъ Анаксимена и огонь Гераклита—живыя существа. У Пифагора ихъ замѣняетъ уже принципъ—число, но онъ еще не оторванъ отъ самой природы. Элеаты наносятъ миѳологіи рядъ жестокихъ ударовъ, но только Анаксагоръ нанесъ ей смертельный ударъ, признавъ особый духовный принципъ—Разумъ внѣ природы. Совершилось небывалое духовное преступленіе—разрушенъ цѣлый міръ, и человѣкъ отнынѣ сталъ такимъ одинокимъ и безпомощнымъ, что нигдѣ не сможетъ найти себѣ покоя. Сомнѣніе и больная меланхолія, словно голосъ возмущенной совѣсти, будутъ преслѣдовать его на каждомъ шагу. Не знать ему прежней пышущей свѣтомъ жизни, полной веселаго шума. Отнынѣ его душа будетъ жаждать только одного—забыться. Онъ будетъ искать желаннаго забвенья вездѣ: въ пассивномъ созерцаніи, въ маленькихъ наслажденіяхъ, въ бѣгствѣ отъ жизни, въ поискахъ неуловимой «атараксіи», въ рабской покорности Року... Истомленный и измученный безплоднымъ исканіемъ онъ вполнѣ «созрѣетъ» для подстерегавшей его религіи и потонетъ въ эфирныхъ волнахъ экстаза, чтобы не видѣть имъ самимъ опустошенной жизни.

**Новомирскій.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

## Внутренняя политика.

### Подъ покровомъ Изиды.

У древнихъ египтянъ была богиня, которую звали Изидой. Богиня была какъ всѣ: не хуже не лучше. Но, что-бы сдѣлать все что угодно интереснымъ, достаточно немножко тайны. И вотъ жрецы взяли обыкновенную статую обыкновенной женщины и покрыли густою вуалью, объявивъ всенародно, что смертью карается тотъ, кто подыметъ покровы Изиды.

И что же? Тысячи благородныхъ юношей рисковали жизнью ежегодно и губили головы, чтобы чуть-чуть приподнять покрывало таинственной Изиды.

Признаюсь, я не такъ любопытенъ. На мѣстѣ этихъ юношей глупыхъ я бы сказалъ себѣ: Изида конечно, богиня, даже святая богиня, но и богиня есть женщино. И если она прячетъ, то значитъ—уродство. Даже монахиня хочетъ показаться красивой монахиней. Изида, конечно, сама обнажится!...

Для многихъ и многихъ Россійскихъ юношей таинственной Изидой до сихъ поръ является Керенскій. До сихъ поръ они глядятъ на этого ифеа, глядятъ и вздыхаютъ: кто онъ? Мученникъ, носящій крестъ свой за насъ маловѣрныхъ? Государственный мужъ, непонятый «анархо-большевитской толпой»? Или Кромвелль? Они подходятъ ближе къ истукану, хотятъ поднять завѣсу, но не смѣютъ. Но и вдругъ среди юношей но подъ охраной адъютантовъ запутанный въ дымъ Керенскій раскрываетъ уста и «языкомъ власти» чтобы «всѣ его поняли», ибо «человѣка здѣсь не всѣ понимаютъ», возглашаетъ: «Да здравствуетъ безсмертная революція! Да здравствуетъ свободная россійская республика»! И снова сбиты съ толку юноши и ходятъ вокругъ и вздыхаютъ: Робеспьеръ? Не Маратъ-ли?.

Но я, когда-то читавшій классиковъ, не хочу гадать, чтобы не быть смѣшнымъ. Прозаически беру я «Новую Жизнь» и читаю:

«15 сентября А. Ф. Керенскій отправилъ слѣдующую телеграмму предсѣдателю Туркестанскаго комитета Наливному въ Ташкентъ:

«Ташкентскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, смѣстивъ въ Ташкентѣ Представителей власти, назначенныхъ Правительствомъ, и арестовавъ членовъ краевого Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, пытается овладѣть властью во всемъ Туркестанѣ. Преступная попытка Ташкентскаго Совѣта расшатать на далекой окраинѣ власть республиканскаго правительства является явно контр-революціонной будетъ Правительствомъ признана мятежомъ, со всѣми послѣдствіями такого признанія. Захватчики власти, будь то отдѣльныя лица, воинскія части или другія организаціи, которыя въ двадцать четыре часа не подчинятся представителямъ Временнаго Правительства понесутъ наказаніе по всей строгости Закона. Предлагаю въ Ташкентѣ немедленно освободить всѣхъ арестованныхъ и возстановить власть вездѣ принять немедленно самыя рѣшительныя мѣры для возстановленія порядка, не отступая передъ дѣйствіемъ вооруженной силой. Высылаются войска, пулеметы. Выѣзжаютъ Генеральный Комиссаръ и командующій войсками».

— —

## Внѣшняя политика.

### Еще о мирѣ.

Война и революція исключаютъ одна другую и потому всякій, кому дороги интересы революціи, долженъ сдѣлать миръ, всеобщій миръ центромъ своего политическаго вниманія. Борьба за миръ должна поглотить всю нашу тактику. Кто удлиняетъ войну, сознательно или безсознательно служитъ контръ-революціи.

Въ настоящее время выяснилось съ неизгладимой ясностью, что всѣ безъ исключенія воюющія страны стремились и продолжаютъ стремиться къ имперіалистическимъ захватамъ. Франція хочетъ лѣвый берегъ Рейна и турецкую Сирію, Англія твердо собирается овладѣть Антверпеномъ и присоединить Месопотамію и Палестину, Италія—Тріестъ и турецкіе острова, Соединенные Штаты — господство въ Дарданеллахъ и даже маленькіе народцы имѣютъ захватные аппетиты. Но такъ какъ каждый новый захватъ есть только новый поводъ для новыхъ войнъ, трудовая демократія всего міра, которая не можетъ хотѣть, чтобъ вся человѣческая исторія превратилась въ кровавый кошмаръ, должна положить конецъ всякимъ аннексіонистскимъ вожделѣніямъ. Миръ безъ аннексіи и безъ контрибуціи является единственной формулой всеобщаго почетнаго мира. Еще лучше формула Президента Вильсона: «Миръ безъ побѣды». Ибо кто-бы ни вышелъ «побѣдителемъ», рабочій народъ остается побѣжденнымъ.

Эта идея должна стать аксіомой для каждаго честнаго революціонера.

А оборона?

Наша тактика должна быть построена такъ, чтобъ облегчить, а не затруднить пролетаріамъ воюющихъ государствъ перейти на интернаціональную почву, т. е. мы сами должны раньше всего отказаться отъ смѣшныхъ и преступныхъ замашекъ имперіалистической буржуазіи.

Во всѣхъ воюющихъ странахъ рѣзко опредѣляется одинъ и тотъ же процессъ: соціализмъ освобождается отъ шовинистическаго угара. Въ Германіи шейдемановская соціальдемократія, имѣвшая въ 1914 году свыше милліона членовъ, имѣетъ теперь около двухсотъ сорока тысячъ и быстро таетъ благодаря своей шовинистической тактикѣ. Австрійская соціальдемократія присоединилась къ русской формулѣ мира. Французскіе соціалисты вышли изъ министерства. Въ Италіи соціалисты заняли ярко оппозиціонную позицію по отношенію къ войнѣ. Центральный Комитетъ Партіи предложилъ соціалистамъ—членамъ муниципалитетовъ сложить свои полномочія въ знакъ протеста противъ войны. Въ Америкѣ соціалисты и организація революціонныхъ профессіональныхъ союзовъ *) ведутъ планомѣрную кампанію противъ войны.

Въ такой моментъ является особенно досаднымъ, что нашей внѣшней политикой завѣдуетъ такой игривый человѣкъ, какъ г. Терещенко. Его послѣдняя шалость нашла себѣ нецурную отповѣдь на столбцахъ милюковской «Рѣчи». Хотя запальчивый тонъ «Рѣчи», почему-то взявшей на себя совсѣмъ необычную для нея роль защитницы Германіи, нѣсколько загадоченъ, но урокъ былъ вполнѣ заслуженъ господиномъ министромъ.

Очень милъ конецъ «рѣчи», которую держалъ «демократическій» министръ представителямъ печати. «Въ заключеніе, сказалъ онъ, мнѣ хочется выразить надежду, что впредь русская политика не будетъ уже политикой парадоксовъ, которая намъ такъ дорого стоила въ послѣдніе мѣсяцы. Мы выступили во имя мира, но на дѣлѣ создали условія (?) вслѣдствіе которыхъ затянулась война. Мы стремились къ сокращенію жертвъ, но въ результатѣ только увеличили (?) кровопролитіе. Мы работали на пользу демократическаго мира, но вмѣсто того приблизили (?) торжество германскаго имперіализма. Такія недоразумѣнія (?) недопустимы. Для завершенія войны на принципахъ, заявленныхъ Временнымъ Правительствомъ, необходимо, чтобы внутри страны всѣ живыя силы объединились и дали возможность правительству вести настоящую (?) національную (?) политику».

Въ этомъ абзацѣ, что ни фраза, то милая шалость. Въ общемъ господинъ министръ иностранныхъ дѣлъ, ведущій внѣшнюю политику революціонной демократіи Россійской Республики, трусливо повторяетъ всѣ презрѣнно-лживыя обвиненія международной буржуазіи и открыто передъ всѣмъ міромъ шельмуетъ республику съ пристрастіемъ озлобленнаго врага. Это, конечно, раньше всего неприлично: ни одинъ приличный министръ иностранныхъ дѣлъ не станетъ публично порицать правящую партію своей страны, не то, что весь свой народъ. Это—неприличіе, граничащее съ предательствомъ. И затѣмъ, что значитъ эта «настоящая національная» политика, которая намъ обѣщается? Стоило-ли сбросить умнаго и талантливаго имперіалиста Милюкова, чтобъ посадить на его мѣсто бездарнаго болтуна?

Конечно, многія изъ его пошлостей говорятся ad hoc нарочито для ушей не корреспондентскихъ и даже нероссійскихъ. Но это не оправданіе, а позоръ, «національный» позоръ: вся Россія отдана подъ негласный надзоръ англійскихъ банкировъ, которые не только нагло поддерживаютъ мятежниковъ противъ Республики, но держатъ въ тискахъ нашихъ министровъ, заставляя ихъ то рабски молчать, когда голосъ національной гордости требуетъ выхода, то угодливо плевать въ лицо трудовой демократіи, самоотверженно льющей свою кровь за чужіе интересы. Даже печать не свободна въ критикѣ. И бьютъ, и плакать не даютъ. Словно не они—послы союзниковъ у насъ на положеніи гостей, отъ которыхъ мы въ правѣ требовать хоть немножко такта, а будто мы — народъ русскій—приживалы Англіи. Позоръ!

Неужели этотъ столыпинскій приказъ подписанъ тѣмъ самымъ человѣкомъ, который наканунѣ, въ Александринскомъ театрѣ, въ присутствіи внимательныхъ пословъ иностранныхъ державъ, кричалъ: «Да здравствуетъ безсмертная революція»! Святая Изифа, обнажила свой ликъ, и ты увидишь, что ташкентцы услышали крикъ твой божественный и продолжаютъ революцію...

Прозаически открываю другую газету «Власть Народа» и читаю жуткій телеграфный докладъ комиссара Временнаго Правительства при юго-западной арміи гражданина Гобечіа, который съ холодной правдивостью и дѣловой объективностью разсказываетъ Временному Правительству за двѣ недѣли до корниловскаго мятежа, что въ арміи готовится контръ-революція, что смѣщаются и прогоняются вѣрные революціи командиры, ни въ чемъ неповинные, и оставляются у команды преступники—контръ-революціонеры, что безъ суда разстрѣливаются рабочіе неизвѣстно за что и издаются приказы ген. Селивачевымъ, которыми призывается командный составъ «совершенно не считаться съ представителями Временнаго Правительства—комиссарами и т. д. Отдалъ-ли Александръ Керенскій приказъ немедленно арестовать мятежниковъ Деникина и Селивачева, немедленно возстановить въ должностяхъ незаконно смѣщенныхъ вѣрныхъ сыновъ Революціи, въ 24 часа возстановить авторитетъ представителей власти и чести Временнаго Правительства? Что сдѣлало Правительство, чтобъ предупредить вооруженный мятежъ, обнажившій фронтъ намъ и открыто стремившійся къ насильственному ниспроверженію республики? Ничего. Чѣмъ оно оградило своихъ вѣрныхъ комиссаровъ отъ грубаго насилія враговъ народа? Молчаніемъ.

Египетскій мистикъ, писавшій объ этомъ тихомъ инцидентѣ, въ газетѣ «Дѣло Народа» подъ заглавіемъ «иллюстрація твердой власти», прибавляетъ. «Тайна сія глубока есть». Какая «тайна»? Гдѣ «глубина» здѣсь? Юноша, будь смѣлѣе! Не бойся адъютантовъ и смѣло взгляни въ лицо истукану. Гляди: сама сползаетъ уже съ глиняныхъ плечъ его пурпурная мантія Революціи.

Кто онъ: Бонапартъ?

Нѣтъ: Корниловъ.

— —

## „Полнота власти! Полнота довѣрія!“

Эти лозунги, брошены буржуазной прессой, буржуазнымъ обществомъ и буржуазнымъ правительствомъ,—увы, ихъ подхватываютъ и нѣкоторые «соціалисты».

«Полнота власти». Что это означаетъ? Не то ли, что кто-то будетъ распоряжаться судьбою людей, вмѣсто того, чтобы передать это дѣло самимъ людямъ!

«Полнота власти!». Не означаетъ ли это полноты покорности всѣмъ распоряженіямъ сверху, хороши они или плохи?

Не есть ли это «полнота рабства» всѣхъ, при «полнотѣ деспотизма» немногихъ? «Полнота власти»—была при Николаѣ II, и мы хорошо ее помнимъ.

Эти штыки, шпіоны тюрьмы, полицейскіе, кровавыя расправы, застѣнки, закулисныя тайны, произволъ. О, мы помнимъ эту «полноту власти»!

Мы помнимъ, кто особенно любитъ эту «полноту власти». Это господа Корниловы, Каледины, бравые генералы добраго стараго времени, помнимъ кто продавалъ Россію при Николаѣ II, и измѣнилъ ей теперь. Мы знаемъ къ чему привела эта «полнота власти» со стороны даже такого человѣка, какъ Керенскій. Не Керенскій ли назначилъ Корнилова, ввелъ смертную казнь, созвалъ Московское Совѣщаніе и шелъ рука объ руку съ буржуа въ ихъ борьбѣ съ пролетаріатомъ?

«Твердая власть»... да, это удобно чтобы подавлять организаціи, творчество народа, отбиратъ свободу собраній, союзовъ, демонстрацій и т. д.

Ахъ, какъ это хорошо для возврата къ былому произволу, штыкамъ, разстрѣламъ и расправамъ... Ну, ну, вводите, вводите «твердую полную власть», «полноту рабства».

«Полнота довѣрія!»

Довѣряйте всѣмъ, довѣряйте все и особенно довѣряйте облеченнымъ властью.

Это такъ хорошо, благородно быть довѣрчивымъ... Довѣряйте. Вѣдь это такъ легко. Довѣрилъ всю судьбу Россіи одному человѣку и снялъ съ себя всякую заботу и всякую отвѣтственность. «Они тамъ знаютъ, сдѣлаются какъ надо, а намъ что: наша хата съ краю».

И пусть тѣ, кому Вы довѣряете, продаютъ по частямъ Россію, пусть разстрѣливаютъ невинныхъ, пусть издѣваются надъ Вами и совершаютъ преступленія.

Вамъ то что, вѣдь Вы довѣрили.

Полнота рабства, полнота слѣпоты, полнота глупости.—Вотъ что по моему эта.

«Полнота власти,
полнота довѣрія».

Контръ-революція всегда начинается съ того, что начинаютъ наводить порядокъ и говорить о твердой власти.

А безпорядки начинаются всегда изъ за борьбы за власть.

Какой удивительно грустный и нелѣпый водевиль.

Онъ разыгрывается въ каждой революціи.

Кто губитъ дѣло порядка?

Кто его усиленно наводитъ, г. г. Корниловы и другіе диктаторы, любители «твердой власти».

Не пора ли опомниться и поговорить о свободѣ, о творчествѣ, о солидарности?

**С. Двумянцевъ.**

— —

## Фельетонъ.

Свобода...

Эта царственная птица не любитъ болотъ обыденной жизни и трусливой практичности.

Она врывается, какъ снопы солнечныхъ лучей, устраивая такія невиданные переливы красокъ и звуковъ, такія порождая восторги и радости, о которыхъ и не подозрѣваютъ наши обыватели и болотные кулики.

Нѣтъ, свобода не для тѣхъ, кто не видитъ за предѣлами своего благополучія, своей семьи, своей маленькой кучки, своей націи и своего государства.

Выше, выше подымайте голову, чтобы видѣть богиню Свободы.

Глубже проникайте за внѣшніе покровы.

Въ разгулѣ бурь, въ мятущемся пожарѣ, когда, отбросивъ всѣ преграды, грудь открывъ всѣмъ опасностямъ, идетъ боецъ восторженно и смѣло, средь хаоса къ цѣли—онъ знаетъ свободу, и душа его поетъ ея побѣдный гимнъ.

Вдалекѣ отъ всѣхъ волненій, порвавши всѣ цѣпи жизни, одинокій мыслитель вдругъ несется въ ея волнѣ, въ побѣдномъ экстазѣ, въ созерцаніи ея—богини Свободы.

Влюбленный, опрокинувшій всѣ предписанія разсудка, въ экстазѣ восхищенья и жаждѣ подвига—онъ кричитъ отъ восторга, видя ликъ Свободы.

Художникъ и поэтъ, творецъ и мечтатель все отдадутъ за улыбку ея.

Выше, выше подымайте голову, чтобы видѣть богиню—Свободу.

За гранью всего реальнаго, за предѣлами всего видимаго и слышимаго, тамъ, въ чертогѣ необъятнаго единаго «Все» живетъ Свобода.

Нѣтъ иныхъ словъ, кромѣ слова Свобода, чтобы ее обозначить.

Меркнутъ, тускнѣютъ въ лучахъ ея великія слова «Соціализмъ», «Анархизмъ».

Они рамки, причудливыя, прекрасныя

*) «Промышленные Рабочіе Міра».

рамки, изъ которыхъ выглядываетъ ея дивный образъ.

Нелѣпы, какъ лампы въ лучахъ дневного солнца, религіи и образы, творимые ими.

Свобода—о н а г л у б ж е ч ѣ м ъ в с я к а я п р о я в л е н н а я м ы с л ь и в о л я.

Свобода—она выше, чѣмъ всѣ боги, которые достойны поклоненія.

Я—неизмѣнный, вѣчный, непреходящій, безпричинный, внѣ времени и пространства, я сущій, я—свободенъ.

Нѣтъ на мнѣ путъ причинности и граней. Я—полный владыка всѣхъ мыслей, чувствъ, всѣхъ проявленій сознанія и тѣла.

Неограничиваемый ничѣмъ, почти всемогущій, почти всезнающій, я—свободенъ.

Слушай. Я несу тебѣ радостную вѣсть. Не было еще высшаго праздника для человѣчества, чѣмъ тотъ, который я тебѣ несу:

Ты свободенъ.

Слушай. Ты вовсе не рабъ. Пусть вокругъ тебя бушуетъ буря, пусть кишатъ гады и ты ступаешь среди нихъ, и они подымаются выше твоей головы, въ кольцахъ сжимая твое тѣло.

Пусть шипятъ они и уродуютъ въ злобныхъ судорогахъ твое измученное тѣло.

Пусть. Но тѣло—это не ты.

Это не ты, безсмертный, вѣчный, безпричинный, не ты, ибо ты не умрешь, когда твое тѣло умретъ.

Знай это.

И пусть весь міръ подыметъ злобную борьбу противъ тебя. Развѣ они въ силахъ измѣнить хоть одну черту твоей мысли и твоей воли.?

Ни одна еще пуля, способная убить тысячу людей, не была способна убить ни одной мысли.

Но ты... ты—владыка мыслей. Ты владыка воли... Ты абсолютно свободенъ. И весь міръ, ополчившись всѣми самыми страшными оружіями, весь міръ... не уничтожитъ тебя—ты вѣченъ, ты свободенъ.

И вотъ слушайте вы всѣ, представители человѣчества, слушайте.!

Вы рождены, безсмертные боги, чтобы сквозь шелуху внѣшняго проявить свою божественную природу. Вы свободные владыки своихъ мыслей и чувствъ и дѣйствій. И вы забыли... забыли, что вы свободны и безсмертны. Вы ползаете червями, смѣшными, жалкими, безпомощными, а вы боги, вы всемогущи, вы боитесь всего, а нѣтъ ничего, что бы могло васъ уничтожить.

Собственныя мысли васъ давятъ. Ваши чувства вами правятъ. Факты жизни гнетутъ васъ и дѣлаютъ рабами.

А вы владыки, владыки мыслей, чувствъ, воли, фактовъ.

Мысли... это рѣка, несущая бурныя воды между причудливыхъ береговъ жизни.

Это капризный ребенокъ, живущій въ мірѣ своихъ игрушекъ, во всемъ подобныхъ гдѣ-то тамъ бурлящей жизни, созидающей и разрушающій причудливыя постройки изъ кубиковъ, камешковъ и желающій подражать многому, что онъ видитъ, но не понимаетъ.

Это царевна, разбросавшая по міру великолѣпные и разнообразные цвѣты изъ корзины причудъ. Это фея, наполнившая міръ невидимыми замками и чудными образами.

Это дѣвушка, далеко ушедшая въ мечты и забывшая о всемъ остальномъ, дѣвушка, окружившая себя ореоломъ сказокъ о несуществующемъ, далекомъ и миломъ.

Это дерево, разбросавшее свои узоры въ бездонной глубинѣ неба, въ высь поднявшее вѣтви, стремящееся къ свѣту солнца и застрявшее корнями въ глуби земли-опыта.

Это вольный вѣтеръ, мечтающій причудливыми формами облаковъ о невѣдомыхъ мірахъ.

Мысли . . . это стая вольныхъ птицъ, несущихъ насъ по своему и нашему капризу въ несуществующіе міры.

Мысли . . . вольныя мысли . . . мечты . . . сказки . . . мощь и глубина человѣка.

Мысли . . . царство нашей безпредѣльной свободы, несущее освобожденіе отъ жизни.

Мысли . . . милые, искренніе, дорогіе, прекрасные друзья . . . мысли.

**С. Д—въ.**

— —

## Срываютъ маски!

Когда создалась Корниловщина, которая такъ сильно взволновала все общество, а монархистамъ и Орловцамъ давали возможность показать свои кошачьи когти, у насъ на Александровской желѣзной дорогѣ сразу можно было, въ дни Корниловской авантюры, замѣтить оживленіе черносотенцевъ и монархистовъ, которые были вполнѣ увѣрены, что пролетаріатъ пошатнулся и что имъ при помощи Корнилова и его помощниковъ удастся задушить русскую свободу; и посадить на русскій престолъ новаго царя. Но Корниловщина была подавлена и они скрыли свои похоти, посинѣли отъ злобы. Они поняли, что русскій пролетарій будетъ отстаивать свою свободу, съ оружіемъ въ рукахъ и если польется ручьями кровь рабочихъ, то не пощадятъ рабочіе и крови приверженцевъ старой власти, капиталистовъ, и, боясь этого, они замолчали.

Но 8-го сентября въ правленіи Соціалистическаго Просвѣтительнаго клуба служащихъ, мастеровыхъ и рабочихъ Александровской желѣзной дороги явились представители отъ одного изъ Комитетовъ и, какъ они заявили сначала, пришли не съ наказомъ, а обмѣняться только взглядами и мнѣніями съ членами правленія нашего клуба.

Съ самаго начала одни изъ явившихся этихъ господъ, задали такой вопросъ: «Въ виду пожеланій многихъ служащихъ Александровской жел. дор. согласно ли правленіе слово «соціалистическій» зачеркнуть на вывѣскѣ помѣщенія клуба», (или закрыть въ знакъ траура чернымъ сукномъ); ибо—де слово соціалистическій мѣшаетъ вступать (по всей вѣроятности Орловцамъ и монархистамъ, которые снимаютъ свои маски, показывая свои кошачьи когти), дабы въ клубъ могли вступать и соціалисты и не соціалисты. Предсѣдатель правленія, какъ дѣйствительный защитникъ рабочихъ и членъ клуба, категорически заявилъ, что правленіе не имѣетъ никакого права измѣнить названіе клуба ибо 1500 членовъ клуба записались въ соціалистическій клубъ, а не въ другой какой либо; тоже самое высказалъ и казначей клуба, секретарь и почти все правленіе. Если александровцы боятся слово «соціалистическій» то намъ не попути съ ними и скатертью дорога тѣмъ, которые являются защитниками царской власти, капиталистовъ и буржуазіи. Много лѣтъ они держали въ темнотѣ русскихъ рабочихъ и крестьянъ, помощь въ культурной работѣ просвѣщенія намъ отъ нихъ не нужно.

Видя такую неудачу, посланники задали другой вопросъ: считаетъ ли правленіе возможнымъ снять вывѣску клуба, ибо она пугаетъ многихъ гусей (т.-е Орловцевъ) и по этому желательно было бы снять ее совсѣмъ. Было отвергнуто и это пожеланіе. А два товарища изъ правленія прибавили, что по ихъ мнѣнію должна еще освѣщатся лампочками, чтобъ бросать свѣтъ въ глаза тѣмъ, которые сотни лѣтъ душили русское просвѣщеніе и русскую культуру; чтобъ показать имъ, что рабочіе массы при помощи интеллигентнаго пролетаріата, какъ то: литераторовъ, адвокатовъ, артистовъ, художниковъ могутъ обучиться сами, и своихъ женъ, дѣтей обучить безъ помощи поповъ, капиталистовъ и буржуазіи.

Видя такую полную неудачу посланники не выразивъ категорическаго требованія отнять помѣщеніе клуба, только сказали, что еще при Николаѣ служащіе (по чему не указали посланники, кто именно?) ходатайствовали объ отдачѣ имъ павильона Николая Романова, а теперь этотъ павильонъ, занятъ клубомъ, между тѣмъ какъ для служебныхъ помѣщеній онъ очень нуженъ; Это, конечно, не правда, ибо зачѣмъ въ такомъ случаѣ такое большое помѣщеніе надъ третьимъ классомъ вокзала Александровской желѣзной дороги занимаетъ одинъ изъ служащихъ? Во первыхъ оно ему такое большое не нужно, а во вторыхъ законно ли и справедливо ли занимать для жилья помѣщеніе, построенное для удобства публики и для служебныхъ нуждъ?

Кто позаботится о тѣхъ сотняхъ и тысячъ нашихъ женъ и дѣтей, томящихся въ гнилыхъ и смрадныхъ коморкахъ? Нѣтъ, буржуа не заботятся о насъ, ихъ желудки сыты, они обуты, одѣты, они имѣютъ шикарныя квартиры съ паровымъ отопленіемъ, электричествомъ, они ѣздятъ на дачи и курорты; но я спрошу ихъ: развѣ природа ихъ создала въ такой благодати и роскоши? Развѣ ихъ матери родили ихъ безъ страданій и болей? Всѣ люди созданы природой одинаково и должны пользоваться всѣми благами одинаково. Если нужны помѣщенія для служебныхъ цѣлей, то отнимайте ихъ у разныхъ директоровъ и начальниковъ.

Въ заключеніе я, какъ корреспондентъ «Воля и Думы Желѣзнодорожника», какъ соціалистъ, какъ борецъ за свободу, не забывая, что мнѣ пришлось 6 лѣтъ переживать голодовки и истязанія тюремныхъ надзирателей и всякой полицейской тюремной нечести при старой власти Романовыхъ, видя что и при новой власти Временнаго Правительства, (которому я вполнѣ подчиняюсь и выражаю полное довѣріе, но какъ свободный гражданинъ позволю высказать слово правды: что оно очень свернуло на право, ибо и при этомъ правительствѣ переполнены тюрьмы томящимися и голодающими соціалистами), —Я призываю всѣхъ товарищей съ соціалистическими и несоціалистическими убѣжденіями, но чувствующихъ гнетъ капиталистовъ, буржуазіи: закрѣпляйте свою свободу; защищайте своихъ братьевъ, отъ всякихъ покушеній со стороны враговъ пролетаріата; помните лозунгъ Интернаціонала: Освобожденіе рабочихъ есть дѣло самихъ рабочихъ. Умоляю васъ, спасайте революцію, любите другъ друга, надѣйтесь сами на себя и на вашихъ избранниковъ.

Да здравствуетъ соціализмъ! да здравствуетъ Свобода, Равенство и Братство всѣхъ народовъ!

Прочь съ тюрьмами за политическія и религіозныя убѣжденія!

**И. Л. Дорошевскій.**

— —

## Ко всѣмъ желѣзнодорожникамъ Московскаго района.

Товарищи!

Наша сила въ знаніи, въ сговоренности, въ пониманіи жизни, въ умѣніи разобраться въ вопросахъ.

Какъ бы мы ни бились въ желѣзныя ворота кулаками—мы, ихъ не отворимъ, даже если будемъ дружны:

Чтобы створить ворота, нуженъ ключъ и нуженъ человѣкъ, знающій какъ ворота запираются.

Мало желать хорошаго, мало даже единенія всѣхъ рабочихъ въ стремленіи къ лучшему.

Н а д о з н а т ь.

Насъ заперли въ темную клѣтку, отъ насъ закрыли свѣтъ солнца—знаніе.

Мы скованы.

Откроемъ же двери своей темницы.

А чтобы открыть ее, будемъ всюду искать знанія: въ книгахъ, въ курсахъ, въ бесѣдахъ, въ занятіяхъ по кружкамъ.

Всюду, всюду будемъ искать ключъ, чтобы открыть желѣзныя ворота.

Единеніе и знаніе—вотъ сила.

Чѣмъ побѣждаетъ нѣмецъ?

Своимъ знаніемъ.

Чѣмъ слабъ русскій?

Своимъ невѣжествомъ.

О, какъ бы мы были мощны, если бы мы обладали знаніемъ!

Мы всего достигли бы, что намъ нужно.

Должны спѣшить запасаться знаніемъ.

Ищите же знанія!

Временное Правленіе Соціалист. клуба Москвы I, въ зданіи бывшаго Электротеатра, призываетъ васъ посѣщать лекціи, читальню, собесѣдованія, занятія по кружкамъ и вечеринки, которыя организуются въ клубѣ.

Идите записываться членами клуба и будемъ стараться совмѣстно устроить изъ нашего клуба свѣточъ знанія и центръ объединенія рабочихъ ж. д.

Въ великую борьбу пролетаріата за свободное будущее будемъ и мы вносить свою посильную лепту.

**Времен. Правлен. клуба.**

— —

## Правительство о забостовкѣ жел. дор.

**Москва Центр. Исполнит. Комитет. Всеросс. жел. дор. союза всѣмъ Главнымъ Дорожн. Раіоннымъ Мѣстнымъ Комитетамъ Всѣмъ Начальствующимъ.**

Въ виду свѣдѣній о томъ, что на нѣкоторыхъ участкахъ желѣзно-дорожной сѣти служащіе и рабочіе намѣриваются объявить забастовку, симъ заявляю, что Временное Правительство принимаетъ самыя энергичныя мѣры къ скорѣйшему улучшенію матеріальнаго положенія желѣзно-дорожныхъ служащихъ и рабочихъ, въ теченіе ближайшихъ дней установитъ новыя нормы заработной платы.

Принимая эти мѣры Временное Правительство считаетъ своимъ долгомъ предварить, что осуществленіе новыхъ нормъ заработной платы возможно лишь при медленномъ повышеніи жел. дор. тарифовъ за полной невозможностью отнести этотъ новый расходъ на средства казны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я объявляю, что никакихъ колебаній, никакихъ потрясеній правильной работы желѣзныхъ дорогъ Временное Правительство допустить не можетъ и не допуститъ. Желѣзнодорожная забастовка неминуемо обрушитъ неисчислимыя бѣдствія на армію и населеніе большихъ городовъ и будетъ тяжкимъ преступленіемъ противъ родины и арміи. Я надѣюсь поэтому, что Временному Правительству не придется принимать тѣхъ суровыхъ мѣръ, которыя по закону полагаются за неисполненіе во время войны распоряженій желѣзнодор. властей и не сомнѣваюсь, что въ этотъ рѣшающій часъ желѣзнодорожники не прекратятъ работу. Предлагаю немедленно въ сознаніи великой отвѣтственности передъ родиной, прекратить всякіе призывы къ желѣзнодорожной забастовкѣ. Увѣренъ что желѣзнодорожники въ эти дни тяжелаго испытанія не измѣнять родинѣ.

№ 9477 Министръ Предсѣд. Верховн.

Главнокомандующій **А. Керенскій.**

— —

## Хроника.

—

### Въ узлѣ.

Поддержка требованій истопниковъ.

(См. № 43 «В. и Д. Ж».)

30 августа общее собраніе членовъ мѣстнаго комитета Московскаго уч. сл. тяги, заслушавъ сообщеніе объ отказѣ истопниковъ ѣхать при старомъ окладѣ жалованія, постановило присоединиться къ делегатскому собранію профессіональнаго союза Московскаго Узла.

Общее собраніе мастеровыхъ, рабочихъ и служащихъ Московскаго участка сл. тяги 31 августа постановило единогласно поддерживать т. т. истопниковъ въ ихъ требованіяхъ.

**Назрѣваетъ конфликтъ.**

Для разсмотрѣнія требованій истопниковъ 22 сентября должна была собраться Комиссія Московскаго узла заинтересованныхъ сторонъ.

Но въ виду того, что по иниціативѣ Начальника службы Тяги М.-Кур., Ниж., Мур. и Окружной ж. д. Калины, въ составъ этой Комиссіи не былъ приглашенъ членъ Правленія Профессіональнаго Союза Московскаго Узла, черезъ который были предъявлены требованія, истопники предложили отмѣнить эту Комиссію и собрать слѣдующую съ участіемъ представителя Профессіональнаго Союза, и по одному представителю отъ Главныхъ дорожныхъ Комитетовъ, а также по одному представителю отъ мѣстныхъ Комитетовъ узла.

Редакторъ Я. Кирилловскій.

Типо-литографія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ Московскаго узла.